

О Саратовском театре оперы и балета

Прошло почти два года со дня выхода в свет исторического постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Этим документом партии обращено с призывом к мастерам музыкального искусства «принести в союзу наших высоких запросов, которые предъявляет советский народ к музыкальному творчеству, и, отбросив со своего пути все, что ослабляет нашу культуру и мешает ее развитию, обеспечить такой поток творческой работы, который быстро двинет вперед советскую музыкальную культуру и приведет к созданию во всех областях музыкального творчества полноценных, высококачественных произведений, достойных советского народа».

Впервые указанием партии, деятели советского искусства добились значительных успехов. День ото дня растет и крепнет музыкальная культура советской страны, но знавшая себе равной в мире. Под неслабым руководством большевистской партии к новым успехам идет замечательный советский оперный театр. Он окружен всеобщим вниманием и заботой. Грознейшие социалистического государства забывают и несут свету музыка — это мощное средство коммунистическому воспитанию масс.

Среди оперных театров страны нашему Саратовскому театру имени Ш. Г. Чернышевского принадлежит не последнее место. Слава его вышла далеко за пределы области. Многие спектакли получили заслуженно широкую известность. Вспомним, например, высоко оцененный «Богатырь и Петрушок». Неизгладимая память этой постановки — исполнителем роли героя Додола заслуженный артист РСФСР Семенович, солистка Клинкина, создателя образа шаманскойницы, и художника Шариков были удостоены Сталинской премии.

Театр располагает талантливыми, трудолюбивым коллективом, охваченным патристическим стремлением создавать

спектакли, соответствующие требованиям партии и народа.

Однако за последние время добрая слава театра стала меркнуть. От спектакля к спектаклю он работает все хуже и хуже. Все чаще общественность выражает справедливое неудовольствие его деятельностью. Саратовский зритель с горечью отмечает такое явление: высокое искусство зачастую ряд оперных и балетных постановок. Слышатся упрёки в адрес солистов и оркестра, дирижеров и режиссеров, художников. Характерным выражением справедливой критики нехватки театра является письмо одной работницы, присланное недавно в редакцию «Коммуниста». В этом письме говорится: «Все мы любим наш театр оперы и балета, ноший бессмертный памятник русского революционного демократа Ш. Г. Чернышевского. Тем более обидно, что за последние время творческий коллектив работает все слабее и слабее, теряет свою былую репутацию оперного театра».

К сожалению, это именно так. Но где причина столь нестерпимого осуждения высоко-творческой работы нашего оперного театра? Ответ на это можно найти, лишь глубже проанализировав с будущим театром, к его повседневной жизни.

Проверка показывает, что все дело в уровне руководства. Это мнение существует и в самом творческом коллективе, познавая лишь часть которого не удовлетворены созданием внутри театра обстановки. Претензии актеров почти полностью совпадают с претензиями зрителя. Непопулярно, к примеру, своим выступлением в партии Водителя артистка Дьяконова, но как она могла добиться творческого успеха, если ей на создание сложного сценического образа был отведен всего... один день? Саратовцы хорошо помнят, что та же Дьяконова неоднократно хорошо справлялась с исполнением роли Татьяны в опере «Евгений Онегин», однако не успевшим

причинам, в течение полугодия ей ни разу не дали выступить в этой роли, а потом без всякого предупреждения, неожиданно продолжил роль в спектакле «Евгений Онегин» в день открытия театрального сезона. Немудрено, что артистка села и играла значительно ниже своих возможностей.

Та же история с дирижером Широковым. Известно, что он плохо справился со своей задачей, когда дирижировал операми «Богатырь и Петрушок» и «Докон». Но тут опять большие позиции руководителя театра, ибо та и другая оперы были поручены Широкову исключительно, без предоставления времени для необходимой творческой подготовки.

Обо всем этом, как и о многом другом, говорят в границах своих комнатах, на кулуарах, в кулуарах большей частью говорят, и с сожалением, шепчутся, боясь, чтобы не услышал кто-либо из руководства. Почему? Потому, что директор театра Ганелин, его заместитель Васильевский, главный администратор Смирнов, как и все приближенные к ним, оказались отчужденными от расхождений друг друга и тем самым дающим осмеивающего сказать критическое слово.

И то время, как работая в искусстве страны, выполняющие исторически-революционные ЦК ВКП(б), стали коренным образом творчески перестраиваться, устраняя ошибки и недостатки, торжествующие развитие советской музыки, добиваясь новых и новых успехов, — руководители Саратовского оперного театра, отписавшие двумя-тремя обиходами революциями, остались все без перемены в жизни коллектива. Еще 9 марта 1949 года Волжский райком партии отметил, что театр плохо выполняет известные постановления ЦК ВКП(б) и поэтому от театра немедленно порекомендовать свою творческую работу. По к этому решению, как и к многочисленным замечаниям общественности в театре не превращались.

Партия требует и требует реальных поворота к современной тематике, создания актуальных советских художественных произведений. В Саратовском театре оперы и балета в этом направлении почти совсем ничего не делается. Ганелин,

главный режиссер Варламов и дирижеры по раз выступали с заявлениями, что они связывают с советскими композиторами, что ближайший репертуар обогатится новыми советскими операми и балетами. Однако на исходе 1949 год, в общении остаются нереализованными. Ничего нет конкретного и в отношении того, какие советские оперные спектакли будут в репертуаре 1950 года.

Репертуарный план театра систематически меняется, как правило, не выполняется. В 1949 году саратовцы должны были увидеть семь новых спектаклей: «Чернышка», «Чародейку», «Прощайную невесту», «Аиду», «Волгому», «Петю и Катю», «Эсмеральду», «Чудесную фату» и, кроме того, капитально возобновленную «Парусную невесту». Однако с окончанием текущего сезона обнаружилось необходимость «Чародейку» заменить «Мазепой», «Чудесную фату» — «Красным маком», а от постановки «Эсмеральды», за несмешиваемыми, — отказать совсем. Решили не ставить и «Парусную невесту». Систематически вытесняется балетный репертуар. Резко ветрится в афишах название лучших балетов.

В театре так уж пошелось, что планы сами по себе, работа — сама по себе. Отсутствие четкой организации художественно-производственного процесса приводит к беспорядочной затрате рабочего времени, к срыву репетиционных сроков, к бесконечному перепису дат выпуска любого спектакля. Вызят хотя бы «Прощайную невесту». По плану черновая генеральная репетиция этого спектакля должна была состояться 27 апреля, а за пять дней до назначенного срока неожиданно (!) выяснилось, что оркестр не подготовлен, целый ряд исполнителей еще не встретился с дирижером, многие из них имели неподготовленно мало репетиций и слабо знают свои партии. Волле-невелой пришлось выпуск спектакль отложить чуть ли не на месяц.

Подобная же участь постигла и балет «Красный мак». Вообще в театре не принято серьезно и подлугу готовиться к исполнению новой постановки. Среди руководителей художественных пехов выступают вольная «твория», что готовится к репетициям для постановщиков — не суть

важно. Тов. Варламов уверяет, что он, как режиссер, обязан в любой момент приступить к репетициям любого старого классического спектакля. Не потому ли почти нитампа в роскошничестве лежит на многих досках театра, которые ставятся частую без учета новых достижений советского музыкального искусства.

Театр располагает многочисленной группой, творческие пехи «граблями» настоящие, что некоторые актеры модными и больше не выходят на сцену. В то же время, стоит кому-либо из ведущих работников выйти из строя, как один спектакль заменяется другим. Отчего? По очень простой причине: все колоратурные партии, например, за артисткой Клинкиной, Дублеров нет. Окажись актриса не в форме, и надо явля отменить спектакль или согласовать на самые нетерпеливые компромиссы, так как никому не хочется. Руководство театра ничего не предпринимает для того, чтобы правильно сформировать коллектив, обеспечить доброту ответственных партий. Ничего не делается для воспитания оларенной молодежи. Не организована помощь мастеров искусства старшего поколения молодым, начинающим. Больше того, когда, например, актриса Данилова сама решила помочь молодцу, ее минимизму не поддержали.

Ганелин, Васильевский и ближайшие их сотрудники перестали считаться с мнением и нуждами коллектива, держат себя по отношению к рабочим работникам высокомерно. Для того, чтобы попасть в директорский кабинет, надо являть множество приятельств. Так, артистка Софиевой, чтобы зайти в Ганелину, каждый раз приходилось напоминать ему, что она пришла не как работница театра, а как депутат районного Совета, иначе ей в прием не пускали.

В театре часто беспринципно увольнялись люди, которым, естественно, приходилось обращаться за помощью к партийным и советским организациям или в суд. Увольнению, как правило, подвергались те, кто исполнил себе выступать с критическими выступлениями.

В обстановке семейственности и зажима критиком руководителя театра творца что

хотелось, беззащитнее пошлая советская элита, алакали в государственной карман. Ганелин остался на пути, морально-бытового разложения, и несудачно в коллективе его прозвали «принципиальным капиталером». Мало чем уступают ему некоторые другие деятели театра вроде Гофмана и Мартова.

Возникает вопрос, где была партийная организация театра, какую она играла роль на всей этой интригальной истории? Не секрет, тов. Смирнов условия поощрения, чужое советское дело превалирует свое умение углубить начальству. Не без помощи партийной организации и Смирнова работники театра, при участии некоторых коммунистов, в подхалиманской ринии собирали деньги на проведение директору Ганелину художественной выставки и чайного сервиза. С молчаливого благословения партбюро был пущен в коллективе подпольный лист для сбора средств на покупку востребованного, предназначенного в подарок Васильевскому. Партийная же работа в театре оказалась совершенно запущенной. Вопросы производства на партбюро, на заседаниях партбюро обсуждались редко, формально, без единого слова принципиальной большевистской критики в адрес руководства. Смирнов провалил агитационно-массовую работу. Политическая учеба не только безразлична, но в коммунистическую организацию исключительно плохо. Большинство товарищей, посещавших университет марксизма-ленинизма, не сдало ни одного экзамена.

Постанов и дела оперного театра традиционно являлись Волжский райком партии, после чего состоялись работы театрального коллектива стало предметом обсуждения бюро горкома ВКП(б). Выяснилось, что, по справедливому решению. Намечены пути к оздоровлению театра. Соедин с директором поста Ганелин, освобожден от обязанностей секретаря партийной организации Смирнов. Однако все это только начало. Надо еще многое сделать для того, чтобы полностью оздоровить обстановку в театре оперы и балета имени Ш. Г. Чернышевского, превратить этот театр в передовый очаг народной музыкальной культуры, помогающий осуществлять коммунистическое воспитание трудящихся,

КОМУНИСТ
г. Саратов
94
НОЯ 1949